

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2019.8.12>

Вязинкин Алексей Юрьевич

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ПРОЕКТ "РУССКОГО СОЦИАЛИЗМА" И ФИГУРА "СКИФА" В ИДЕЙНОМ НАСЛЕДИИ А. И. ГЕРЦЕНА

В данной статье рассматриваются социально-философский и антропологический аспекты национального проекта "русского социализма", представленного в идейном наследии выдающегося русского мыслителя А. И. Герцена. Впервые в рамках историко-философского анализа выделяется антропологический тип "скифа" в творчестве мыслителя и предлагается его трактовка как субъекта цивилизационного проекта "русского социализма". Определяется идейная связь антропологической фигуры "скифа", предложенной Герценом как своеобразный аналог суверенной личности, со "скифской" традицией в русском неонародничестве.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/9/2019/8/12.html

Источник

Манускрипт

Тамбов: Грамота, 2019. Том 12. Выпуск 8. С. 65-69. ISSN 2618-9690.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/9.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/9/2019/8/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

История философии

History of Philosophy

УДК 1(091)

Дата поступления рукописи: 20.05.2019

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2019.8.12>

В данной статье рассматриваются социально-философский и антропологический аспекты национального проекта «русского социализма», представленного в идейном наследии выдающегося русского мыслителя А. И. Герцена. Впервые в рамках историко-философского анализа выделяется антропологический тип «скифа» в творчестве мыслителя и предлагается его трактовка как субъекта цивилизационного проекта «русского социализма». Определяется идейная связь антропологической фигуры «скифа», предложенной Герценом как своеобразный аналог суверенной личности, со «скифской» традицией в русском неонародничестве.

Ключевые слова и фразы: А. И. Герцен; «русский социализм»; русское народничество; «скифство»; суверенная личность.

Вязинкин Алексей Юрьевич, к. филос. н.

Тамбовский государственный технический университет

vyazinkin@yandex.ru

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ПРОЕКТ «РУССКОГО СОЦИАЛИЗМА» И ФИГУРА «СКИФА» В ИДЕЙНОМ НАСЛЕДИИ А. И. ГЕРЦЕНА

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 19-011-00465 «Проблема суверенной личности в философии русского народничества».

Проблема национального пути и социального будущего России была центральной темой русской философии XIX в. Выдающийся русский мыслитель Александр Иванович Герцен (1812-1870) в конце 1840-1850-х гг. предложил оригинальный национальный проект «русского социализма» и определил его субъекта, выдвинув на первый план антропологическую фигуру «скифа». **Цель** нашего исследования – определить совокупность идейных связей национального проекта «русского социализма» и фигуры «скифа» в философском творчестве Герцена.

В отечественном герценоведении не существует исследования, в котором фигура «скифа» была бы представлена как самостоятельный антропологический тип. В этом антропологическом ракурсе изучения проекта «русского социализма» состоит **научная новизна** нашего исследования. Неопровержимая важность для современной России проблемы баланса между идеями прогресса и основами традиции при сохранении принципа свободы личности делает **актуальным** исследование социально-философских и антропологических аспектов национального проекта «русского социализма» Герцена.

Социалистическая идея для Герцена была футурологическим проектом тотального переустройства основ существующей цивилизации. Новый взгляд на привычные компоненты культуры должен был затронуть государственное управление, религиозную жизнь общества, судебную, экономическую, бытовую сферы жизни: «Обыкновенно думают, что социализм имеет исключительную целью разрешение вопроса о капитале, ренте и заработной плате, т.е. об уничтожении людоедства в его образованных формах. Это не совсем так. Экономические вопросы чрезвычайно важны, но они составляют одну сторону целого воззрения, стремящегося, наравне с уничтожением злоупотреблений собственности, уничтожить на тех же основаниях и все монархическое, религиозное – в суде, в правительстве, во всем общественном устройстве и, всего более, в семье, в частной жизни, около очага, в поведении, в нравственности» [7, с. 179].

Нельзя сказать, что социалистическая идея была для Герцена воплощением абсолютного идеала. Сомневаясь между идеалами демократии и социализма, он, вероятно, считал, что это две стороны одного желаемого будущего. Такая позиция мыслителя кажется не вполне убедительной только в том случае, когда за критерий определения социалистического устройства общества берутся экономические показатели, в то время как для Герцена главным критерием была степень индивидуальной свободы человека. И в этом смысле социализм был просто формой выражения его социальных идей, которая сопрягала идеал свободы человека с идеалом социальной справедливости.

Кроме того, Герцен не мог вполне определиться с общественным идеалом, поскольку позиции революционеров в конкретный исторический период были недостаточно прочны. Даже вопрос о методе борьбы за социалистический идеал не был им решен до середины 1850-х гг. Только в поздний период Герцен окончательно утвердился в том, что революционная деятельность есть единственно верный путь к установлению общественного идеала.

В Европе еще до событий 1848 г. Герцена привлек опыт итальянских революционеров, их идеи и само политическое устройство Италии, представляющее собой на тот момент феодально-раздробленное государство с крайне слабо развитой промышленностью. Разумеется, социальный идеал Герцена воплотился бы только после трансформации небольших феодальных образований в демократические республики. Как следствие, в наиболее радикальных своих произведениях мыслитель описывал социалистическое устройство общества как анархическую (народную) федерацию общин, отвергающую возможность любых политических надстроек и авторитетов. Эта надежда Герцена дала повод некоторым исследователям, в частности М. Малиа, определять мыслителя как «политического анархиста» [16, с. 487].

С точки зрения Герцена, установлению социализма, то есть совершенно новой цивилизационной модели общественного устройства, должно способствовать изменение исторических условий. Исторические условия – это своего рода многокомпонентная атмосфера среды, в которой потенциально могут возникнуть определенные культурные явления, могут произойти конкретные цивилизационные метаморфозы. И эти коренные изменения в исторических условиях для реализации футурологического проекта Герцен связывал именно с Россией. Согласно его представлениям, Россия уже вступила в ту историческую фазу, в которой возможен качественный скачок, переход от монархического деспотизма к социалистическому обществу. Началом этой фазы развития Герцен считает 1812 г.: «Подлинную историю России открывает собой лишь 1812 год; все, что было до того, – только предисловие» [6, с. 153]. Формально он связывал обновление России с новым типом мышления, который предполагал оторванность от предания и традиции, чуждость абсолютной монархии для большинства сословий российского общества, простоту и автономию народной жизни. Однако привязка к конкретной дате, между прочим, дате рождения самого Герцена, есть, конечно, волонтаризм мыслителя. И этот субъективный подход заставлял его выдавать желаемое за действительное, в то время как философия революционной демократии занималась обратным: попыткой превратить сущее в должное.

Социалистическая надежда Герцена имела ярко выраженные национальные черты. Исследователи творчества мыслителя неоднократно отмечали определенное сходство теории «русского социализма» с основными положениями славянофильского социально-политического идеала. Вместе с тем опора большинства славянофилов на традиции и идею самодержавия, их ориентация на незыблемость существующего порядка не были созвучны идеям дворянского революционера.

Суть социалистического проекта Герцена заключалась в следующем: «Сохранить общину и освободить личность, распространить сельское и волостное self-government, на города, на государство в целом, поддерживая при этом национальное единство, развить частные права и сохранить неделимость земли – вот основной вопрос русской революции – тот самый, что и вопрос о великом социальном освобождении, несовершенные решения которого так волнуют западные умы» [11, с. 189-190].

Итак, главная задача социальной революции – установление общинного самоуправления, которое возможно только при производственной ориентации общества на сельское хозяйство. То есть Герцен полагал, что путь распространения в России капитализма является ложным. Западная модель развития была отвергнута, однако Герцен признавал, что исторические смыслы, которыми обладает европейский мир, необходимо использовать на благо нового цивилизационного проекта. Ключевыми историческими смыслами наполнены, конечно, идея «свободы лица», теория естественных прав, юридическое равенство.

И все же основополагающий фактор – община. Она сохранилась именно в России, поэтому все сокровенные ожидания Герцена были связаны с исторической родиной. Это акцентирование социалистического будущего в связи с Россией дало повод М. Малиа назвать Герцена теоретиком «революционного национализма» [16, с. 538]. И в определенной степени это верно.

Также верно и то, что Герцену не удалось окончательно отказаться от своих западных идеалов молодости: «...без западной мысли наш будущий собор остался бы при одном фундаменте» [2, с. 150], – писал мыслитель. «Будущий собор» – это и есть футурологический национальный проект «русского социализма», исторический шанс для будущего цивилизаций. Герцен признавал, что это будущее не есть необходимость, а есть только историческая возможность России стать революционным авангардом мира и воплотить в жизнь социальный идеал. И все же для Герцена, даже в ущерб своим заветным надеждам исповедовавшего адогматизм, исторический пластицизм, культ импровизации, это была только возможность.

Реализация социалистического проекта и проблема метода его революционного установления носили несколько противоречивый характер. Как совместить общинное хозяйство и отсутствие частной собственности, с одной стороны, и свободу личности, ее нравственную и юридическую независимость – с другой? Этот вопрос занимал Герцена: «Крайние, односторонние развития привели к двум нелепостям – к гордому своими правами, независимому англичанину, которого свобода основана на вежливой антропофагии, и к бедному русскому мужику, безлично потерявшему в общине, бесправно отданному в крепость и в силу того служащему съестным припасом барину. Где их примирение, как снять их противоречие, как сохранить независимость британца без людоедства, как развить личность крестьянина без утраты общинного начала? В этом-то вся мучительная задача нашего века, в этом-то и состоит весь социализм» [5, с. 112]. В деле воплощения социалистического идеала в жизнь необходимость совмещать передовой опыт европейской цивилизации с русским традиционным укладом была для Герцена очевидной.

Герцен разрабатывает концепцию «русского социализма» в начале 1850-х гг. Он сознательно разводит «западный социализм» и «русский социализм», подчеркивая отличие своего проекта от социальных идеалов П.-Ж. Прудона, Ш. Фурье, К. Маркса. Стремясь придать проекту большую убедительность, он подчеркивает, что все его социальные представления о будущем человечества обоснованы современными научными знаниями: «Мы русским социализмом называем тот социализм, который идет от земли и крестьянского быта, от фактического надела и существующего передела полей, от общинного владения и общинного управления, – и идет вместе с работничьей артелью навстречу той экономической справедливости, к которой стремится социализм вообще и которую подтверждает наука» [8, с. 193].

Но почему не социализм вообще, а именно «русский социализм»? Известно, что Герцен опасался вероятности «неправильного» развития социализма, что, по его мнению, привело бы к установлению новой формы деспотии, небывалого закрепощения людей: «Социализм разовьется во всех фазах своих до крайних последствий, до нелепостей. Тогда... снова начнется смертная борьба, в которой социализм займет место нынешнего консерватизма» [10, с. 110]. «Русский социализм» – авторский проект Герцена, в котором он старался учесть все возможные препятствия на пути реализации социального идеала, который охранял бы не только социальную справедливость, но и свободу личности.

И здесь мы должны вернуться к определению «революционного национализма». Мы полагаем, что мировоззрение Герцена на определенном этапе разработки концепции «русского социализма» действительно соответствует этой характеристике. В. Г. Хорос, пытаясь разрешить некоторые противоречия в мировоззрении «позднего» Герцена, утверждает, что русскому мыслителю была свойственна «своеобразная диалектика национального и интернационального» [19, с. 154]. Но что это за «своеобразная диалектика», ничего не проясняющая в идейном развитии Герцена, а только больше затуманивающая более или менее очевидные положения, историк, к сожалению, не расшифровывает. Если под подобной «диалектикой» подразумевается убеждение в том, что Россия (как государственная и национальная единица) будет в авангарде реализации социального идеала, а затем ее примеру последует все мировое сообщество, тогда с этим положением можно согласиться.

Вместе с тем «русский социализм», по Герцену, как идеал будущего соответствует не всем народам (на конкретном историческом этапе), а только славянским, России *par excellence*, русскому обществу и русскому человеку как носителю национальной (народной) культуры. Федеративный идеал будущего, писал Герцен, имеет именно национальный характер: «Славянские народы не любят ни идею государства, ни идею централизации. Они любят жить в разъединенных общинах, которые им хотелось бы уберечь от всякого правительственного вмешательства... Федерация для славян была бы, быть может, наиболее национальной формой» [11, с. 185]. Разумеется, это не означает, что национальный принцип для Герцена был важнее свободы личности или автономии общины, однако очевидно, что, признав туниковым исторический путь Европы, мыслитель все свои надежды связывал с русской национальной культурой, самобытность которой позволяла (в теории) с некоторой исторической вероятностью воплотить в жизнь его социальный идеал.

Одной из наиболее интересных и выразительных идей Герцена является идея единства индивидуального и всеобщего, отчасти предвосхитившая философию искания В. С. Соловьева (1853-1900) и философию «всеединства» в истории отечественной мысли. Попытка найти универсальный подход к решению проблемы сохранения общины, коллективного хозяйства, основанного на принципах народной справедливости, и предоставления полной свободы человеку привела Герцена к идее единства индивидуального и всеобщего, которое он выводил из оснований природной жизни: «Природа – это гармония и анархия, это особенное каждого отдельного существа и в то же время величайшее и наиболее совершенное всеобщее. Принцип природы полностью противоположен дуализму – это имманентность» [4, с. 226].

Но кто является субъектом суверенного русского социализма по Герцену? Что это за новый антропологический тип, который путем революционного вмешательства изменит ход истории и установит в России новую систему социального и политического общежития?

Путь становления русского социализма – революционный, и в этом смысле весьма любопытной представляется идея Герцена о «плавающей революции» [15, с. 360]. Об этой идеологии сообщает парижский собеседник русского мыслителя – французский историк Эдгар Кине (1803-1875). Действительно, не только в частных беседах, но и в письмах к европейским интеллектуалам Герцен создал эстетический образ кочующего революционера-изгнанника в эмиграции, который нигде не может найти дружелюбной пристани и потому вынужден ограничиваться лишь временными прибежищами. В данном случае Герцен, очевидно, создавал образ того «русского» скитания по Европе, которое пережил сам.

Сравнивая культурные модели Европы и России, Герцен акцентировал внимание на «скифском» наследии русской цивилизации: «Иногда как-то не по себе нашему брату, скифу, среди этих наследственных богатств и завещанных развалин» [7, с. 20-21]. Русский мыслитель противопоставил «варварскую» Россию «цивилизованной» Европе. Русский человек в Европе – это «северный варвар в Риме», «скиф в Афинах». Во всем он, по мысли Герцена, доходит до предела: и в своем рабском преклонении перед государственными авторитетами, и в своей анархистской вольнице.

Европа этого периода – не в меньшей степени, чем Россия, представляет собой пространство порядка. Причем этот порядок уже не клерикально-феодальный, а, по преимуществу, секуляризованный и мещанский. Этот исторический феномен социально-политического эвфемизма призван скрыть репрессивный характер универсального порядка, поэтому Герцену, человеку революционных убеждений и надежд, который идентифицировал себя с фигурой «скифа», приятно было разрушение старого мира и порядка: «...я, как настоящий скиф, с радостью вижу, как разваливается старый мир, и думаю, что наше призвание – возвещать ему его близкую кончину» [3, с. 192].

Опасения по поводу возможной экспансии «азиатского варварства» были весьма широко распространены в Европе в середине позапрошлого столетия. Весьма примечательна заочная полемика Герцена с испанским консервативным мыслителем и дипломатом Хуаном Доносо Кортесом (1809-1853), алармистом и русофобом. Испанский традиционалист признавал Россию европейским государством, но считал, что в условиях войны она легко превратится в «азиатскую державу», которая станет реальной военной и политической угрозой для католической Европы, ослабленной революционной смутой: «Славянские страны насчитывают около восьмидесяти миллионов человек, и когда Европа лишится своих постоянных армий, рассеянных революцией, когда в Европе иссякнет патриотизм, задушенный революционными потрясениями, когда на востоке Европы появится великая конфедерация славянских народов, а на западе останутся только две великие армии – армия грабителей и армия ограбленных, – тогда на часах истории пробьет час России, тогда Россия с оружием руках сможет спокойно добраться до нашей родины, тогда весь мир станет свидетелем ужасной кары, какой еще не знала история. <...> Я думаю, что революцию легче совершить в Петербурге, чем в Лондоне» [12, с. 352-353].

Герцен считал эту проникнутую трагическим историсофским пафосом позицию Доносо Кортеса крайне реакционной, защищающей практику государственного насилия и девальвированные ценности прошлого, которые ему, энергичному «скифу» и революционеру, устремленному в будущее, совсем не дороги: «Донозо Кортес, вечно обращенный спиной к будущему, видит одно разложение, гниение и потом нашествие русских, и потом варварство. Пораженный этой страшной судьбой, он ищет средств спасения, точку опоры, что-нибудь твердое, здоровое в этом мире агонии, и ничего не находит. Он обращается за помощью к нравственной смерти и к физической – попу и к солдату» [10, с. 137-138].

Таким образом, Герцен выступил против опоры на отжившие свой век исторические типы духовенства и военного класса, предлагая новейшую антропологическую фигуру «скифа» и культурную парадигму «скифства». Однако в сознании все менее феодальной и все более рационалистической и мещанской Европы революционные идеалы Герцена и его оригинальная социалистическая концепция представляли собой почти апокалиптическую «угрозу с Востока». И для этого были некоторые основания: совершенно верно замечание Е. Бобринской о том, что «революционная линия “скифства” всегда была окрашена в антизападнические тона» [1, с. 446].

Р. В. Иванов-Разумник (1878-1946), русский мыслитель-неонародник и ведущий теоретик «скифства», первым отметил предвидение Герцена о мещанском социализме и стагнации революционного духа в возможном социалистическом обществе будущего: «Он знал еще семьдесят лет тому назад, что подлинная революция, революция социальная – “несовместна с европейским государственным устройством”... Он ждал, он звал такую революцию. А когда она пришла – мещанские социалисты, прикрываясь его именем, стали всячески бороться за отжившее “европейское государственное устройство”, стали всячески тормозить движение революции “к тому берегу”, на котором уже три четверти века тому назад стоял Герцен. И нет худшего врага, чем Герцен, для этих мещан социализма» [13, с. 25-26]. В социальной оптике Герцена консервативное и инертное мещанство противостоит витальному и революционному скифству, оно сопротивляется социалистической радикальной революции, чтобы сохранить свои буржуазные завоевания.

В 1919 г. в Петрограде по инициативе Иванова-Разумника была создана Вольная философская ассоциация (Вольфила) – общественная организация, ратовавшая за проведение вслед за социально-политической и духовной революции, основывающейся во многом на философских идеях «скифства», в духе народнической интеллектуальной традиции и левозеровской политической программы. Историческую, но не ситуативную, а непреходящую актуальность идей Герцена подчеркивал Иванов-Разумник в своей статье «Скиф сороковых годов»: «... всегда и везде конечная победа – предназначена скифам, как бы далеко ни завел Дарий свои полчища. И идейная победа осталась за Герценом сороковых годов, а не за либеральными “людьми порядка” той эпохи» [14, с. 340].

Герцен был ключевой фигурой в интеллектуальном становлении Иванова-Разумника. Развивая авторскую философскую концепцию «имманентного субъективизма», создатель Вольфилы утверждал, что в ее основании лежит именно идейное наследие Герцена. За этим утверждением скрывается попытка систематизации отрывочных философских предложений Герцена по решению проблемы соотношения эстетического и этического индивидуализма, проблемы постижения единства триады правды-истины, правды-красоты и правды-справедливости, теоретическая разработка которых нашла наиболее полное выражение в философском творчестве другого предшественника «имманентного субъективизма» – Н. К. Михайловского (1842-1904).

В работе «Русский народ и социализм» Герцен оправдывал свой риторический прессинг и радикальную бескомпромиссность в изложении революционных идей тем, что ему соответствует варварский дух уроженца России, он утверждал, что увлекся своей «скифскою горячностью» [9, с. 335]. Эта «скифская горячность» по своей сути есть не что иное, как «духовный максимализм», то самое понятие, что содержит в себе глубинную скифскую философию, которой Иванов-Разумник приписал генетическую связь, ведущую от Герцена к неонародникам, революционным социалистам и их поэтическому лидеру А. Блоку (1880-1921). Духовный максимализм – это стремление к тотальному переустройству жизни на новый, «скифский» лад, это радикальное требование исчерпывающих преобразований, что соответствует реальному историко-антропологическому типу «вольницы» в классификации Михайловского. Для этого типа бунта, как утверждал мыслитель, характерно «требование всего» [18, с. 744].

Таким образом, футурологический национальный проект «русского социализма» не получил у Герцена детальной разработки, но задал определенное пространство смыслов, вокруг которого сформировались многие направления отечественной философской мысли. Непросто выделить в этом амбициозном проекте

основную философскую идею, ключевую мысль. Так, М. Малиа считал, что формулу «русского социализма» Герцена составляет именно народный анархизм, категорическое неприятие какого бы то ни было авторитета: «...русские никогда не смогут не отвергать власть, навязанную свыше» [16, с. 546]. Н. М. Пирумова отмечала, что немаловажное значение имеет разработка проблемы «синтеза освободительного движения на Западе и в России» [20, с. 138]. Отечественный исследователь Р. З. Хестанов полагает, что конечной целью «русского социализма» является не положение народа и его социальное благополучие, а именно формирование нового человека – личности, действующей свободно и рационально, наделенной «тонким социальным инстинктом» [21, с. 316]. Профессор М. А. Маслин утверждает, что общественно-политические искания Герцена не составляют главной ценности идей мыслителя, а ключевое значение имеет именно персоналистическое содержание его философии [17, с. 137].

На наш взгляд, актуальными на сегодняшний день являются и социальные, и персоналистические положения философии автора национального проекта «русского социализма», которые невозможно развязать без ущерба для восприятия идейного наследия Герцена. А персоналистические положения социальной философии в позднем творчестве мыслителя выкристаллизовались в фигуру «скифа», представлявшую собой субъект суверенного русского социализма, антропологический тип русского социалиста-революционера, предсказанный Герценом задолго до его появления на исторической арене.

Список источников

1. Бобринская Е. «Скифство» в русской культуре начала XX века и скифская тема у русских футуристов // Искусствознание. 1998. № 1. С. 445-467.
2. Герцен А. И. Былое и думы. 1852-1868. Ч. IV // Герцен А. И. Собрание сочинений: в 30-ти т. М.: Наука, 1956. Т. IX. С. 7-280.
3. Герцен А. И. Былое и думы. 1852-1868. Ч. V // Герцен А. И. Собрание сочинений: в 30-ти т. М.: Наука, 1956. Т. X. С. 7-371.
4. Герцен А. И. Дуализм – это монархия // Герцен А. И. Собрание сочинений: в 30-ти т. М.: Наука, 1957. Т. XII. С. 226-234.
5. Герцен А. И. Крещеная собственность // Герцен А. И. Собрание сочинений: в 30-ти т. М.: Наука, 1957. Т. XII. С. 94-117.
6. Герцен А. И. О развитии революционных идей в России // Герцен А. И. Собрание сочинений: в 30-ти т. М.: Наука, 1954. Т. VII. С. 133-266.
7. Герцен А. И. Письма из Франции и Италии, 1847-1852 // Герцен А. И. Собрание сочинений: в 30-ти т. М.: Наука, 1955. Т. V. С. 7-228.
8. Герцен А. И. Порядок торжествует! // Герцен А. И. Собрание сочинений: в 30-ти т. М.: Наука, 1960. Т. XIX. С. 166-199.
9. Герцен А. И. Русский народ и социализм // Герцен А. И. Собрание сочинений: в 30-ти т. М.: Наука, 1954. Т. VII. С. 307-340.
10. Герцен А. И. С того берега // Герцен А. И. Собрание сочинений: в 30-ти т. М.: Наука, 1955. Т. VI. С. 7-145.
11. Герцен А. И. Старый мир и Россия // Герцен А. И. Собрание сочинений: в 30-ти т. М.: Наука, 1957. Т. XII. С. 167-200.
12. Доносо Кортес Х. Речь об общем положении Европы // Доносо Кортес Х. Сочинения. СПб.: Владимир Даль, 2006. С. 339-357.
13. Иванов-Разумник Р. В. Свое лицо. Берлин: Скифы, 1920. 28 с.
14. Иванов-Разумник Р. В. Скиф сороковых годов // А. И. Герцен: pro et contra: антология. СПб.: Издательство РХГА, 2012. С. 337-341.
15. Литературное наследство / Академия наук СССР, Институт литературы, Пушкинский дом. М.: Наука, 1985. Т. 96. Герцен и Запад. 739 с.
16. Малиа М. Александр Герцен и происхождение русского социализма. 1812-1855. М.: Территория будущего, 2010. 568 с.
17. Маслин М. А. Философия А. И. Герцена сегодня // Философский журнал. 2012. № 2 (9). С. 130-140.
18. Михайловский Н. К. Литературные заметки 1879 г. // Михайловский Н. К. Сочинения: в 6-ти т. СПб.: Русское богатство, 1896. Т. 4. С. 685-837.
19. Пантин И. К., Плимак Е. Г., Хорос В. Г. Революционная традиция в России: 1783-1883 гг. М.: Мысль, 1986. 343 с.
20. Пирумова Н. М. «Русский социализм» А. И. Герцена // Революционеры и либералы России: сб. статей. М.: Наука, 1990. С. 114-140.
21. Хестанов Р. З. Александр Герцен: импровизация против доктрины. М.: Дом интеллектуальной книги, 2001. 339 с.

“RUSSIAN SOCIALISM” NATIONAL PROJECT AND “SCYTHIAN” FIGURE IN A. I. HERZEN’S IDEOLOGICAL HERITAGE

Vyazinkin Aleksei Yur’evich, Ph. D. in Philosophy
Tambov State Technical University
vyazinkin@yandex.ru

The article examines the socio-philosophical and anthropological aspects of the “Russian socialism” national project represented in the ideological heritage of the outstanding Russian thinker A. I. Herzen. For the first time, within the framework of the historical and philosophical analysis, the “Scythian” anthropological type is distinguished in the thinker’s creative work and its interpretation as a subject of the “Russian socialism” civilization project is suggested. Ideological connection of the “Scythian” anthropological figure suggested by Herzen as an analogue of sovereign personality with the “Scythian” tradition in the Russian Neorodnik movement is ascertained.

Key words and phrases: A. I. Herzen; “Russian socialism”; Russian Narodnik movement; “Scythianism”; sovereign personality.